

П. Г. Гусев

ОТ ТЕОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ К ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ ЭСТАФЕТ¹ // На теневой стороне: Материалы к истории семинара М. А. Розова по эпистемологии и истории науки в Новосибирском Академгородке. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2004. С. 55–67.

Понятие познавательной деятельности широко использовалось как в работе семинара, организованного М. А. Розовым, так и в Московском методологическом кружке (ММК) Г. П. Щедровицкого². Московская группа сложилась раньше, чем новосибирская. Именно знакомство М. А. Розова с Г. П. Щедровицким дало толчок к созданию новосибирского семинара. Однако работать в постоянном контакте эти группы не могли, и развивались в значительной степени независимо друг от друга³.

В истории ММК можно выделить особый этап, связанный с разработкой «общей теории деятельности». Исследования, проводившиеся в новосибирском семинаре, в конечном счете, привели к созданию М. А. Розовым теории социальных эстафет, в результате чего исходные представления о деятельности были существенно преобразованы.

Как выяснилось впоследствии, первоначальное понимание деятельности включало в себя разнородные аспекты. По отношению к познавательной деятельности это выражалось в следующем. С одной стороны, ее представляли в виде системы операций с предметами и знаками, подчиненной определенной цели, решению задачи. В то же время было ясно, что далеко не все в процессе познания является реализацией некоторой цели. В выступлении М. А. Розова на третьем заседании семинара (19.11.1963) отмечалось, что целенаправленные действия могут приводить к незапланированным, неожиданным результатам. Кроме того, обсуждался вопрос о формировании самой способности человека действовать целенаправленно. Должна была существовать предыстория познания, такой этап, когда человек действовал еще как животное, неосознанно. И только осознание накопленного на этой стадии опыта привело к тому, что человек начал ставить какие-то цели и формулировать вопросы. Познание в целом рассматривалось как общественное явление, как естественноисторический процесс. Но в связи с тем, что участники семинара занимались эмпирическим анализом научных текстов, предполагалось, что от предыстории можно отвлечься. Как говорил тогда М. А. Розов, это «дебри, в которые не будем лазить». Исследуя научное знание, можно как бы вырезать кусок из уже развитого процесса, где сразу уже имеется постановка задачи.

Формирование теории социальных эстафет было связано с разделением двух аспектов в социальных явлениях⁴. Акты деятельности, с этой точки зрения, всегда целенаправленны, деятельность всегда персонифицирована, это деятельность конкретного человека или группы людей — акт речи, исполнение песни, отдельный эксперимент. В противоположность этому такие социальные явления, как язык, фольклор, наука, выступают как нечто надиндивидуальное, надличностное. Речь идет о традициях, которые передаются в человеческой культуре и в рамках

¹ В статье использованы записи докладов и обсуждений, сделанные С. С. Розовой, с самого начала участвовавшей в работе семинара М. А. Розова.

² *Щедровицкий Г. П. Избранные труды.* М., 1995. С. XIII.

³ *Розов М. А. Я опоздал на нашу встречу // И. С. Алексеев. Деятельностная концепция познания и реальности. Избранные труды по методологии и истории физики.* М., 1995. С. 432.

⁴ *Степин В. С., Горохов В. Г., Розов М. А. Философия науки и техники.* М., 1995. С. 5–7, 85–86.

которых осуществляются отдельные акты деятельности. Теория социальных эстафет раскрывает механизмы жизни этих традиций и закономерности их эволюции. Базовой формой такого механизма является социальная эстафета — цепочка передачи опыта от одного участника социальной деятельности к другому путем воспроизведения непосредственного образца действий.

Каким образом происходила эволюция представлений о деятельности? Достаточно полный ответ на этот вопрос потребовал бы большого и обстоятельного исследования. Попробуем дать первый, схематичный набросок этого движения, обратив внимание прежде всего на развитие идей в рамках семинара М. А. Розова и наметив при этом лишь некоторые параллели и сопоставления с работой ММК.

Направление работы в семинаре с самого начала было выбрано так, что его участники обсуждали очень широкий круг проблем. Это была прежде всего философско-методологическая работа: ведь речь шла не о решении каких-то задач в рамках уже сложившейся области исследования, а о создании новой науки. Происходило движение поискового характера, ориентиры которого не могли быть заданы в виде четких алгоритмов. Что значит строить науку, какие особенности познания нужно описывать, что можно при этом рассматривать в качестве отдельных явлений, которые могли бы стать самостоятельными объектами исследования? Понимание всего этого во многом зависело от личного опыта «общения с наукой». В беседе с Н. А. Желтухиным М. А. Розов так объяснял, например, «идеологию и мировоззрение» этого нового направления. Процесс познания, говорил он, дошел до такой стадии, что человек совершенно перестал в нем ориентироваться: ученые, работающие в различных областях, не понимают друг друга. И происходит это не потому, что они не знают предмет друг друга, — суть в том, что они по-разному мыслят. При этом «человек, как правило, не понимает специфики деятельности в своей области; часто не понимают специфики тех понятий, которыми они оперируют». Одним из примеров этого является спор между конструктивистами и классиками математики. Итак, «внутри науки есть вещи, не выясненные в самой науке». Речь шла и о проблемах педагогики: «Методы преподавания совершенно не приспособлены к задачам науки». Как видим, одним из ориентиров служило представление о возможном прикладном значении начинающегося исследования: его результаты должны были помочь в преодолении тех трудностей, которые ощущаются в развитии науки.

С самого начала основные усилия участников семинара были направлены на эмпирическое исследование научного познания. Непосредственным эмпирическим материалом при этом служили научные тексты. Внимание к понятию деятельности возникало в контексте разработки системы понятий, с помощью которых можно было бы описать «скрывающуюся за текстами» познавательную деятельность. Выступая, например, во время обсуждения доклада А. А. Акципетрова, посвященного некоторым особенностям исторического развития строительной механики (7.02.1967), М. А. Розов отмечал, что во многих докладах на семинаре не удается перейти от эмпирического материала — того или иного явления, зафиксированного в истории науки, — к тому, что можно было бы считать фактом, описанным с точки зрения науки о познавательной деятельности. Чтобы этот эмпирический материал сделать фактом нашей науки, говорил М. А. Розов, нужно описать его на соответствующем языке: нужно выяснить, что это такое — средство, продукт или задача, кому и для чего они предназначены, откуда получены, при решении каких задач используются. Об этом же шла речь при обсуждении доклада

В. Н. Духанина «Роль онтологических картин в возникновении теории (на примере теории Максвелла)» (7.03.1967). Здесь М. А. Розов обращал внимание на задачу разработки своего языка, в котором должны быть названия для типов средств, продуктов и т.д.

Многообразие мотивов, проблем и идей делает трудной задачей детальное выявление всех тех ходов и поворотов мысли, которые вели к идее социальной эстафеты. Особенностью работы семинара было постоянное сопоставление всех возникающих в нем идей, схем и проблем. «Мыслительное пространство» семинара можно сравнить с системой зеркал, многократно отражающихся друг в друге. Поворот одного зеркала приводит к тому, что изменяются картины отражения во всех других зеркалах.

Одна из важных линий эволюции связана с фиксацией существования побочных продуктов и с выявлением их роли в развитии познания. Как уже отмечалось, в познавательной деятельности могут возникать побочные результаты, не имеющие прямого отношения к поставленной цели. Затем эти результаты начинают целенаправленно воспроизводить и исследовать. Теория познания должна как-то описывать такие случаи. Первые подходы к их анализу возникали в связи с постановкой и рассмотрением проблемы построения и определения предмета исследования в науке⁵. Рассматривая эту проблему, уже в докладе, сделанном 30.11.1964, М. А. Розов показывает, что появление побочного и неожиданного результата в экспериментах Мушенбрека (открытие лейденской банки) становится фактором развития предмета исследования в науке об электричестве. Другие случаи такого же типа описаны в его работе «Научная абстракция и ее виды»⁶. Речь идет о том, что практический опыт флорентийских водопроводчиков, которые обнаружили, что воду нельзя втянуть насосом на высоту более чем 10 м, заинтересовал Галилея. Он начал исследовать силу «боязни пустоты». Затем Торричелли, заменив воду ртутью и обнаружив колебания высоты столба ртути в трубке, пришел к выводу о существовании атмосферного давления. Необходимо было как-то согласовать такие представления с общим понятием деятельности. Был поставлен вопрос о различных типах связей между актами деятельности, и для их описания была разработана соответствующая система понятий. Она излагается в статье 1968 г.⁷, где М. А. Розов дает общее описание такого рода явлений, различая понятия деятельности и активности, деятельности и псевдодеятельности.

Активность — это действия, вызывающие некоторые нефиксированные изменения среды. Деятельность — это «та сторона, тот предмет, который человек выделяет в собственной активности и в соответствии с которым он ее строит. Рассматривая одну и ту же активность через призму разных задач, мы будем получать разные акты деятельности»⁸. Человек, использующий побочный результат чьих-либо действий или воспроизводящий эти действия с целью получения данного результата, относится к этим действиям как к деятельности, нацеленной на получение именно этого результата. Если мы в состоянии выявить, какова была действительная цель этих действий, то можно сказать, что первый человек, осуществляя некоторую активность, в

⁵ Розов М. А. Предмет исследования и некоторые закономерности его формирования и развития // Проблемы исследования систем и структур. Материалы к конф. М., 1965. С. 36.

⁶ Розов М. А. Научная абстракция и ее виды. Новосибирск, 1965. С. 114–115.

⁷ Розов М. А. О понятиях деятельности и активности при анализе познания // Проблемы методологии научного познания. Новосибирск, 1968. (Статья опубликована также в сб.: На теневой стороне: Материалы к истории семинара М. А. Розова по эпистемологии и философии науки в Новосибирском Академгородке. Новосибирск, 1996).

⁸ Там же. С. 12.

соответствии со своей задачей выделял в ней определенную деятельность, а второй человек — потребитель побочного результата — реконструирует в этой активности такую деятельность, какой на самом деле не было, потому что никто не ставил перед собой задачи получения этого результата. Т.е. он реконструирует псевдодеятельность⁹.

Использование этих представлений при рассмотрении различных элементов познавательной деятельности было одним из факторов, стимулирующих постановку вопроса о роли рефлексии в деятельности вообще и в познавательной деятельности, в частности. Эта линия анализа вела к развитию идеи особого блока управления, в котором закрепляются функции различных элементов деятельности. Прибор, карта, исторический источник, модель и другие составляющие процесса познания, если их взять просто как некоторые вещи, могут быть использованы не по назначению. Прибор остается прибором, а карта картой только в том случае, когда действия с ними соответствуют некоторым нормам¹⁰.

Эту линию развития представлений о нормах и их роли в деятельности условно можно назвать кибернетической. В отражающих ее обсуждениях и публикациях употребляются такие термины, как управление, блоки и средства управления, алгоритмы, нормативы. Видимо, как ответвление этой же линии можно рассматривать развитие представлений о социальной памяти, тоже сыгравших очень важную роль в формировании новой теории. Возможность разного отражения в рефлексии одной и той же активности более детально была описана впоследствии в теории социальных эстафет с помощью представления о рефлексивной симметрии¹¹.

Теперь обратимся к некоторым работам ММК. С одной стороны, они интересны тем, что в них тоже появляется понятие нормы и рассматривается механизм нормирования в системе воспроизводства деятельности. С другой стороны, представленные в них схемы воспроизводства упоминаются М. А. Розовым при разработке им первых вариантов модели формирования и развития семиотических систем. Линию развития в ММК представлений о нормировании можно назвать логико-педагогической. В работах 1960 и 1964 г.¹² рассматривается вопрос: какую часть из общего предмета педагогического исследования берет логика. Г. П. Щедровицкий считает, что логика должна описывать «нормы» деятельности — образцы деятельности, которыми должно овладеть подрастающее поколение. Новый поворот этой темы возникает в ММК в связи с разработкой схем воспроизводства деятельности, которые строились в контексте «общей теории деятельности»¹³. Комплекс схем, построенный Г. П. Щедровицким для изображения деятельности, не доведен до того уровня, когда можно говорить о теории научного типа. «Общая теория деятельности» остается здесь на уровне методологической разработки, хотя и развитой до высокой степени детализации. Но самое главное состоит в том, что и в рамках методологического анализа представление о нормировании деятельности не приобретает значения принципа, который должен стать основой теории.

⁹ Там же. С. 14.

¹⁰ *Колеватов В. А.* Географическая карта как система // Системный метод и современная наука. Вып. 1. Новосибирск, 1971. С. 109. *Акципетров А. А., Розов М. А.* К методологии анализа моделирования // Вопросы логики и методологии. Новосибирск, 1971. С. 71.

¹¹ *Степин В. С., Горохов В. Г., Розов М. А.* Философия науки и техники. М., 1995. С. 164.

¹² *Щедровицкий Г. П.* Избранные труды. М., 1995. С. 655, 466.

¹³ *Лефевр В. А., Щедровицкий Г. П., Юдин Э. Г.* «Естественное» и «искусственное» в семиотических системах // Проблемы исследования систем и структур. Материалы к конф. М., 1965. С. 141.

В схемах, разработанных Г. П. Щедровицким и его коллегами, рассматривается воспроизводство социально-производственных структур. Отдельные элементы этих структур разрушаются и исчезают, но сама структура воспроизводится на новом материале. Сохранение структур деятельности при смене их материала объясняется действием особого механизма нормирования. В этих схемах изображается также усложнение этого механизма, связанное с формированием целого ряда различных семиотических систем. При этом предполагается, что в очень неразвитых социальных структурах воспроизводство деятельности обеспечивается способностью индивида научиться какой-либо деятельности, имея перед собой ее образец. Однако в московском семинаре эти схемы не были включены в процесс детального исследования историко-научного материала. Схема, в которой деятельность нормируется с помощью ее непосредственного образца, оказывается в этих работах лишь промежуточным этапом в развертывании более сложных моделей семиотических образований. В целом эти модели носят еще очень абстрактный характер. Они лишь в самом общем виде задают и объясняют ряд особенностей семиотических систем — таких, как взаимосвязь естественного и искусственного в их развитии или дифференциация этих систем в соответствии с их функционированием в различных сферах деятельности.

Сама по себе мысль о возможности воспроизводства деятельности по образцу представляется почти очевидной. Аналогичную идею мы встречаем в книге М. А. Розова, вышедшей в 1965 г.¹⁴. Развитие человеческой деятельности как общественного процесса охарактеризовано здесь следующим образом. Сначала отмечается общая закономерность этого развития: «накопление и использование в деятельности общественного практического и познавательного опыта как средства этой деятельности». Затем различаются два этапа: до появления языка и первых понятий и после этого. Более подробно рассматривается второй этап (в связи с вопросом об историческом развитии абстракции). И при этом относительно первого этапа сказано: «Опыт рода, т.е. общественный опыт мог быть здесь использован в сугубо ограниченном объеме: либо при передаче путем биологического наследования (безусловные рефлексy), либо в форме взаимного подражания друг другу у членов первобытного стада». Но ни в этой книге, ни в работах Г. П. Щедровицкого мы не видим еще стремления придать мысли о воспроизведении опыта по непосредственным образцам статус основного принципа будущей теории, объясняющей функционирование и развитие систем деятельности.

В новосибирском семинаре постоянно велась работа по эмпирическому исследованию историко-научного материала. Это заставляло искать какие-то пути построения более конкретных схем производственной и познавательной деятельности и ее развития, пригодных для детального изображения отдельных фактов истории познания. Схемы ММК сыграли роль некоторого толчка в разработке М. А. Розовым одного из вариантов теоретической модели, воспроизводящей некоторые закономерности формирования и развития семиотических систем. В этой модели используется и механизм развития деятельности путем воспроизведения стихийно возникающих в ней ситуаций. Первая попытка такой конкретизации была представлена М. А. Розовым в прочитанном им осенью 1967 г. спецкурсе «Проблемы общей теории познания», состоявшем из семи лекций. Именно здесь уже возникает первый прообраз модели, которая

Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995. С. 50. Щедровицкий Г. П. О методе семиотического исследования знаковых систем // Семиотика и восточные языки. М., 1967. С. 19.

¹⁴ *Розов М. А. Научная абстракция и ее виды. Новосибирск, 1965. С. 78.*

может быть проинтерпретирована на ситуации возникновения языка. В сокращенном виде суть ее может быть представлена так.

М. А. Розов отмечал, что Г. П. Щедровицкий анализирует процесс воспроизводства, начиная с его простейшего цикла, где одна структура деятельности служит образцом, по которому строится другая структура деятельности. Теперь нужно учесть, что целью исходного акта деятельности было вовсе не задание образца, а удовлетворение потребности в некотором продукте. Использование этого акта в качестве образца происходит стихийно, это — побочный результат. Впоследствии, однако, этот побочный результат сам становится образцом. Это значит, что теперь уже начинают целенаправленно осуществлять некоторую деятельность не для того, чтобы произвести продукт потребления, а для того чтобы дать кому-то образец этой деятельности. Кроме того, М. А. Розов вводит принцип: если один материал выполняет несколько функций, то должна произойти дифференциация материала. В данном случае это означает, что деятельность, выполняющая функцию образца, начинает видоизменяться: первоначальные действия заменяются их имитацией. Таким образом возникают особые знаковые средства управления, а в конечном счете — формируется язык. В дальнейшем эта конструкция была преобразована в схему «имманентной композиции»¹⁵.

Установка на построение детальных изображений познавательной деятельности была принята в рамках семинара с самого начала его работы. Уже на первом заседании М. А. Розов говорил о том, что методом работы должен быть микроанализ научных текстов. Важно также, что эта установка работала в сочетании с представлением о том, что наука в процессе своего развития не ограничивается эмпирическим описанием исследуемых объектов. В науке формируется теоретическое исследование, эмпирическая работа соединяется с идеальным конструированием. На этом уровне «для науки характерно наличие определенного фиксированного конструктора, в рамках которого она строит свои модели и объяснения явлений», — так М. А. Розов характеризует теоретическое исследование в статье 1971 г.¹⁶. Одна из основных целей семинара определялась на этом языке как задача построения своего «теоретического конструктора».

Решающий прорыв происходит благодаря тому, что М. А. Розов начинает рассматривать акт деятельности как реализацию норматива и превращает отношение «норматив — реализация» в основной элемент искомого теоретического конструктора. При этом предполагается, что все сложные системы такого типа в принципе должны сводиться к реализации нормативов, существующих в виде непосредственного образца поведения или деятельности. Это и приводит, в конечном счете, к формированию представления о социальной эстафете. Первое развернутое изложение этих идей было сделано М. А. Розовым в докладе «Исходные представления теории деятельности» (29.11.1971)¹⁷.

Существенную роль здесь сыграло также категориальное осмысление развиваемых моделей. Внимание к вопросу о том, в каких категориях может быть определен онтологический статус знания и других объектов гносеологического исследования, может быть отмечено на разных

¹⁵ Розов М. А. Проблемы эмпирического анализа научных знаний. Новосибирск, 1977. С. 130–134.

¹⁶ Розов М. А. Энгельс и развитие представлений о сущности теоретического мышления // Ф.Энгельс и общественные науки. Томск, 1971. С. 21.

¹⁷ Розов М. А. Исходные представления теории деятельности // На теневой стороне: Материалы к истории семинара М. А. Розова по эпистемологии и философии науки в Новосибирском Академгородке. Новосибирск, 1996. С. 222.

этапах работы семинара. Первые попытки использования участниками семинара новых моделей знания, которые изображали структуру нормативов, обеспечивающих существование знания, стали стимулом для более тщательного рассмотрения этой проблемы. В центре внимания оказывается вопрос о функциональных и атрибутивных характеристиках объектов исследования и их связи с материалом объекта. Развиваются методологические принципы объяснения того, как функциональные характеристики закрепляются за некоторым материалом. Разговор об этом был начат М. А. Розовым в ходе обсуждения доклада В. А. Колеватова о карте как виде знания (22.10.1971), продолжался в дискуссиях с В. П. Тыщенко в ноябре 1971 г.; анализ этой проблемы не прекращался и в дальнейшем. Впоследствии, как продолжение этих идей, М. А. Розовым были развиты представления о волноподобных объектах — «куматоидах»¹⁸ и о соотношении предметоцентризма и топоцентризма — особых категориальных подходов в науке¹⁹.

В этом пункте мы снова можем увидеть определенное соответствие в работе новосибирского и московского семинара — общность их категориальных представлений. В работе 1975 г. Г. П. Щедровицкий, описывая исходные принципы теории деятельности, выделяет в качестве фундаментального понимание деятельности как системы. «...Система человеческой социальной деятельности оказывается *полиструктурой*, т.е. состоит из многих как бы наложенных друг на друга структур...»²⁰. Это представление является развитием того понимания деятельности, которое утвердили работы Гегеля и Маркса: «...Человеческая деятельность должна рассматриваться не как атрибут отдельного человека, а как *исходная универсальная целостность*, значительно более широкая, чем сами «люди». Не отдельные индивиды тогда создают и производят деятельность, а наоборот: *она сама «захватывает» их и заставляет «вести» себя определенным образом*»²¹. Г. П. Щедровицкий разрабатывал методологические принципы анализа полиструктурных систем, где выясняются сложные взаимоотношения между такими характеристиками систем, как процесс, функция, структура, материал. Особенности систем такого рода иллюстрируются примером, который принадлежит В. А. Лефевру: движение букв сообщения на световом табло²². В новосибирском семинаре использовались те же самые, восходящие к Гегелю и Марксу, исходные философские представления о деятельности. В качестве небольшой иллюстрации интересно замечание, сделанное М. А. Розовым во время выступления Г. П. Щедровицкого в новосибирском Академгородке 13 мая 1964 г. Используя различие массовой и индивидуальной деятельности и обсуждая вопрос о видах массовой деятельности, докладчик отметил, что проблему индивида как элемента социума нужно рассмотреть отдельно. В реплике М. А. Розова по этому поводу использована аналогия с полюсами магнита: южный и северный полюс не существуют отдельно друг от друга, как отдельные предметы; так же и индивидуальная деятельность не существует как отдельный предмет, а только лишь как полюс. Вопросы использования и дальнейшей разработки системного подхода обсуждались в выступлениях и работах М. А. Розова, И. С. Алексеева, В. П. Тыщенко и других участников семинара.

¹⁸ Степин В. С., Горохов В. Г., Розов М. А. Философия науки и техники. М., 1995. С. 80.

¹⁹ Розов М. А. О двух аспектах проблемы редукционизма. Пушино, 1986. С. 10.

²⁰ Щедровицкий Г. П. Избранные труды. М., 1995. С. 242.

²¹ Там же. С. 241.

²² Там же. С. 256.

В 1974 г. появилась статья М. А. Розова «Система и ее элементы»²³. В ней изложены новые идеи, которые развивались М. А. Розовым и обсуждались на заседаниях семинара в начале 70-х гг. Здесь тоже рассматриваются системы типа светового табло. В этих системах выделяется некоторая функциональная схема, которая, подобно волне, «скользит» по материалу. В них нет жесткой связи между свойствами отдельных материальных элементов и их функционированием. Закономерности поведения таких систем нельзя объяснить, используя традиционный прием выведения свойств целого из свойств его частей. Казалось бы, о той же самой проблеме говорит и Г. П. Щедровицкий. Может даже возникнуть впечатление, что предлагаемые решения этой проблемы, по сути, совпадают. Вспомним об использовании понятия социальной нормы в разработках московского семинара. М. А. Розов тоже исходит из идеи о том, что связь между функцией и материалом может устанавливаться с помощью норматива. В этом случае действие нормативов будет основой закономерностей в функционировании системы. Но здесь виден уже принципиально иной уровень решения проблемы, сделан важный шаг к построению теоретического конструктора.

В статье поставлен вопрос о способе существования нормативов, который рассматривается как принципиальный с точки зрения анализа социальной деятельности. Для решения этой проблемы М. А. Розов предлагает использовать понятие памяти. Нормативы функционирования отдельных элементов такой системы не «привязаны» раз и навсегда к этим элементам, не закреплены в их материале, другими словами, сами элементы «не помнят» своих функций. Но поскольку они все-таки воспроизводятся, эти функции должны, следовательно, храниться в особой, «централизованной» памяти системы. Однако механизм такой памяти должен при этом каким-то образом «сливаться» с системой в целом. М. А. Розов дает набросок теоретического конструктора, с помощью которого можно моделировать системы такого типа. Главными элементами этого конструктора становятся «автоматы», способные с определенной ограниченной точностью копировать поведение друг друга. «Мы можем построить замкнутую цепочку из этих автоматов и заставить их играть в игру, напоминающую детский “испорченный телефон”». Кроме того, вводится представление о случайных мутациях в поведении автоматов. Такая система начинает эволюционировать. Она способна запоминать и забывать. Поведение каждого автомата в рамках целого, внутри этой цепочки достаточно жестко занормировано, а механизм нормирования состоит в том, что поведение одного автомата выступает в качестве образца поведения другого²⁴.

Таким образом, появляется новый теоретический объект — цепочка непосредственного копирования, напоминающая волну, распространяющуюся по некоторому материалу. Для его обозначения первоначально был использован термин «нормативная система». Кроме того, здесь намечены принципы построения сложных нормативных систем на базе простейшей и принципы объяснения их эволюции. Отметим еще один аспект во взаимосвязи между развитием идеи социальной памяти и введением в систему теоретических представлений семинара этого нового

²³ Розов М. А. Система и ее элементы // Методологические проблемы науки. Вып. 2. Новосибирск, 1974. С. 15.

²⁴ Там же. С. 23.

объекта — «нормативной системы» (социальной эстафеты). Приведем фрагмент одного из самых первых изложений идеи социальной памяти²⁵:

«Существует немало работ, связанных с изучением памяти различных кибернетических систем. В большинстве случаев это специализированные работы биологов, психологов или инженеров, но есть и попытки построения общих представлений об организации памяти в рамках особой дисциплины мнемологии. На этом фоне бросается в глаза отсутствие специальных гносеологических исследований памяти, исследований социальной памяти общества, связанной с развитием познания и науки. Простейшую форму существования социальной памяти мы имеем в случае воспроизводства той или иной деятельности по образцу в акте непосредственного копирования предыдущей деятельности. Память здесь еще не получила своего воплощения в особом материале, и любой предыдущий акт функционирует по отношению к последующему как некоторая память. На этом уровне воспроизводство деятельности — это непрерывный процесс, где разрыв предыдущего и последующего задан пределами памяти человека как индивида. Следующий этап — выделение из деятельности совокупности особых актов, связанных, в частности, с развитием речи, за счет непрерывного воспроизводства которых остальная деятельность начинает воспроизводиться дискретным образом».

Именно рассмотрение деятельности в аспекте механизмов памяти, обеспечивающих ее воспроизводство, помогает формированию нового образа социальной деятельности. Это образ непрерывных цепочек непосредственного копирования актов деятельности, существование которых делает возможным функционирование различных семиотических систем. Одной из важнейших целей работы семинара на этом этапе стало развитие представлений о нормативных системах и использование их для построения различных моделей в процессе исследования эмпирического материала.

Однако необходимо было пройти еще долгий путь для того, чтобы возникла теория социальных эстафет в современном ее понимании. В самом представлении о способности человека копировать чьи-либо действия произошли существенные изменения. Выяснилось, что эту способность нельзя рассматривать просто как биологическое свойство человека. Механизм человеческого подражания неотделим от социокультурного контекста, образец, взятый отдельно от этого контекста, может иметь неограниченное множество вариантов его реализации. Эти идеи в основном развивались М. А. Розовым уже после его переезда из Новосибирска в Москву в 1981 г. Первые публикации, в развернутом виде представляющие постановку и решение связанных с этим проблем, появляются в 1984 г.²⁶

²⁵ Розов М. А. О мнемологических аспектах исследования познания // Материалы межвузовской научной конференции, посвященной 50-летию образования СССР. Вып. 2. Философия и научный коммунизм. Томск, 1972. С. 42.

²⁶ Розов М. А. Информационно-семиотические исследования: процессы-эстафеты и принцип дополнительности // Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы. 1984. № 2. С. 1. Розов М. А. Знание и механизмы социальной памяти // На пути к теории научного знания. М., 1984. С. 175.